

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ю. В. Астафьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2011 г.

Аннотация: работа посвящена актуальным вопросам познания истины по уголовному делу с использованием оперативно-розыскных средств в их сочетании с уголовно-процессуальными возможностями. Истина рассматривается как результат совместных усилий субъектов уголовного процесса и субъектов оперативно-розыскной деятельности. Раскрываются нормативные и философские основы познания по уголовному делу. Даны практические и методологические рекомендации по вопросам познания истины по уголовным делам.

Ключевые слова: истина, доказывание, познание, уголовный процесс.

Abstract: the present article is devoted to the issues connected with the nature of the truth established in the legal process. Conditions and ways of its achievement are discussed as well. The truth is considered as the object of cognition in criminal proceeding. The author gives a special attention to the distinctions of legal and philosophical understanding of truth. Methodological and practical prerequisites of establishing the truth in criminal proceeding are disclosed in the article. In conclusion the author proposes some changes in legislation.

Key words: truth, proving, cognition, criminal proceeding.

Гносеологические проблемы определения сущности познания в процессе раскрытия преступлений всегда составляли основу исследований доказательственной деятельности в уголовном процессе.

Решение вопроса о сущности, пределах и формах познания, его особенностей и проявлений носит не только теоретический, но и сугубо практический характер. Эти проблемы напрямую связаны с достижением цели уголовного процесса, с определением оптимальных средств установления обстоятельств, значимых по уголовному делу.

В юридической литературе вопросы соотношения познания и доказывания в уголовном процессе, раскрытие дифференцированного характера процесса познания и доказывания составляли и составляют предмет пристального внимания процессуалистов.

В трудах дореволюционных юристов И. Я. Фойницкого, В. Д. Спасовича, Л. Е. Владимировича и многих других были сделаны попытки дать оценку содержательной, достоверительной и познавательной сторонам процесса доказывания, определить сущность и характер истины как цели доказывания¹.

¹ См.: Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001 (репринт 1861). 112 с. ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. 552 с. ; Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000 (репринт 1909). 464 с.

Не утратили актуальности эти вопросы и в более поздний период. Острую дискуссию, в частности, вызывали вопросы соотношения достоверности и вероятности в познании по уголовному делу, формах осуществления доказывания, элементам доказывания. При этом проблемы познания и доказывания по уголовным делам, зачастую носили не просто принципиальный характер, а непосредственно связывались с социально-политическими установками².

За последние сорок лет можно отметить бурный процесс развития теории доказывания в неразрывной связи с философскими направлениями гносеологии, рассмотрение проблематики уголовно-процессуального познания в контексте противоречивых новелл, вносимых в процессуальное законодательство в условиях его реформ³.

Наличие в уголовно-процессуальном законодательстве явных пробелов, нечетких норм и целых институтов, разорванность связей между уголовно-процессуальными и оперативно-розыскными нормами также способствуют развитию непреходящей потребности разработки методологических и практических основ теории доказывания.

В современном понимании уголовно-процессуальное познание рассматривается в тесной связи с научным познанием, однако с учетом своей собственной специфики и проявлений. Таким образом можно определить не только сущность познания по уголовному делу, но и динамику его развития, его формы и средства.

Основное общепринятое значение термина «познание» раскрывается как приобретение знаний, постижение закономерностей объективного мира⁴. С философской позиции познание представляет собой освоение действительности через ее отражение в сознании познающего и построение умозаключений, связанных с раскрытием закономерностей и связей познаваемого объекта.

Общефилософская категория «познание» подразумевает особый вид творческой деятельности по освоению действительности в различных ее проявлениях (процессы, явления, факты). При этом в зависимости от целей, способов и уровней познания можно говорить о неоднородности и сложности познавательного процесса. Для характеристики последнего особое значение приобретает направленность познания, которая в основе своей подразделяется на две составляющие – познание перспективное

---

² Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947. 275 с.; Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946. 248 с.; Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. 498 с.

³ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. 86 с.; Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с.; Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. 152 с.; Соловьёв А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2002. 160 с.; Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999. 429 с. и др.

⁴ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 546–547.

и познание ретроспективное. Если задача первого – обеспечение общественного прогресса, то задача второго – установление истинности существующих сведений о фактах, определение тождества обстоятельств установленных с обстоятельствами устанавливаемыми (целью познания). Последнее приобретает особое значение при исследовании обстоятельств, которые носят (либо с большой долей вероятности могут носить) уголовно-правовой характер. Речь идет об уголовно-процессуальном познании. Специфичны здесь и цель познания, и его средства, а также условия, в которых оно протекает.

Установление истины (как истины конкретного факта), а также экстремальность самого исследования предполагают сложный характер такого рода познания. В орбиту исследования попадает широкий спектр обстоятельств, имеющих как прямое, так и опосредованное отношение к объекту уголовно-процессуального познания. Лишь в ходе уголовно-процессуальной познавательной деятельности может быть получена информация о фактах, имеющих особое значение в уголовном процессе, в юридически значимых обстоятельствах.

Однако базой уголовно-процессуального познания является познание научное. Между ними имеется много общего. Так, методология (в широком смысле), на которую опирается процесс уголовно-процессуального познания, есть общефилософская теория отражения. Сходны (в определенных пределах) методы различных сфер познания (сбор информации, накопление, систематизация, формулирование выводов путем обобщений широкого или узкого спектра, применение общих выводов к конкретной ситуации и т.д.). Да и главная цель любого познания – установление истины – не может различаться в зависимости от той или другой познавательной цели⁵.

Вопрос об уголовно-процессуальном познании выходит за рамки чисто юридического исследования. Как справедливо заметил А. А. Давлетов, «содержание уголовно-процессуального познания и объем его правовой регламентации не совпадают. Закон регулирует не всю процессуально-познавательную деятельность. Значительная ее часть прямо не охватывается правовыми нормами. Следовательно, не на все вопросы, возникающие в процессе познания по уголовному делу, можно найти ответы в законе. Это требует выхода за пределы нормативных предписаний и обращения к общетеоретическим, методологическим положениям, которые в совокупности с нормативными позволяют получить достаточно полную и правильную картину уголовно-процессуального познания»⁶.

Познание в уголовном процессе нельзя искусственно отрывать от общефилософского анализа познавательной деятельности человека, однако специфика, присущая познанию процессуальному, не позволяет автоматически перенести весь комплекс общефилософских методов в

---

⁵ Вопросы оценки истины как цели уголовно-процессуального познания будут рассмотрены далее.

⁶ Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. С. 6–7.

правовую сферу. Философские методы выступают как базовая основа методов, присущих области правовых исследований, однако ни в коей мере не заменяют последних.

Основное отличие уголовно-процессуального познания от иных сфер познавательной деятельности состоит в специфике самого характера познаваемого. И. Я. Фойницкий справедливо отмечал: «Историческая истина вообще и судебная в частности достигается при помощи тех же приемов и способов, как и научная истина, и столь же реальна, отличаясь от последней лишь тем, что содержанием ее являются не общие законы, а признаки и явления отдельных фактов или группы фактов...»⁷. В связи с этим истина, которая здесь устанавливается, по своему содержанию является истиной юридической. Фактическая сторона познаваемого преломляется через юридическую оценку, поэтому и направленность познания, и содержание установленного весьма специфичны. Познание юридической истины предполагает определенные процессуальные гарантии ее установления, рамки, строго очерченные правом.

Специфика уголовно-процессуального познания в том, что субъект познавательной деятельности сталкивается с явлениями как выражением сущностей. Без такого выражения сущность не может быть установлена сама по себе. Она должна проявить себя. Примерами таких проявлений могут быть неправомерное поведение, активное противодействие в установлении истины со стороны участников процесса, специфика реализации асоциальных мотивов и целей и т.п. Вместе с тем в уголовно-процессуальном познании могут быть искусственно созданы ситуации, моделирующие условия для проявления таких сущностей. В данной ситуации уголовно-процессуальное познание может включать в себя не только ретроспективный, но и перспективный аспект. Так, например, проверочная закупка и оперативный эксперимент, проводимые работниками оперативных подразделений правоохранительных органов, имеют целью создать условия проявления неправомерного поведения определенных лиц для проверки обоснованности поводов к реализации процессуальной деятельности либо, в целом, для установления таких поводов. Таким образом, уголовно-процессуальное познание, в отличие от любого иного, является неотъемлемым элементом реализации государством своих функций по обеспечению законности и правопорядка. Оно возникает как необходимость, обязательность государственного реагирования в такой форме на угрозу значимым гарантиям развития механизма бесперебойной работы власти.

Познанию вообще, и уголовно-процессуальному познанию в частности, присущ, на наш взгляд, следующий механизм: от мотивов-побуждений – к освоению действительности. Определение познания как процесса формирования знаний, из которых в последующем возникают цели и мотивы деятельности, верно в связи с этим лишь отчасти. Импульсом к процессу

---

⁷ Фойницкий И. Д. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 173–174.

получения знаний должны стать также мотивы и цели. Мотивирующую и побудительную роль в уголовно-процессуальном познании играют сами цели, которые ставятся государством при реализации им охранительной функции в определенных формах. Именно на базе этих средств используется особый механизм уголовно-процессуального познания, который включает в себя сочетание «предпроцессуальных», процессуальных и связанных с ними непроцессуальных действий. Развитие процесса уголовно-процессуального познания протекает от более общего к частному, от конкретики явления к конкретике фактов, составляющих юридически значимую основу самих явлений. Выражением такого перехода является появление оснований для начала процесса уголовно-процессуального доказывания. В дальнейшем доказывание опосредуется иными формами уголовно-процессуального познания. В частности, оперативно-розыскными, непроцессуальными, но правовыми по своей природе.

Вопрос о соотношении доказывания и познания представляет особый интерес. В юридической литературе высказывалось традиционно достаточно жесткое мнение о тождественности доказывания и уголовно-процессуального познания. А. И. Трусов, Н. В. Жогин и ряд других исследователей полагали, что доказывание представляет собой разновидность познавательной деятельности людей, протекающей в особых формах для решения специфических задач⁸.

В. Д. Арсеньев занимал несколько специфичную позицию, выделяя доказывание по уголовному делу в целом (фактически речь шла о познании. – Ю. А.) и уголовно-процессуальное доказывание как особую форму получения доказательств, а не иной информации по делу⁹.

В то же время обращалось внимание на необходимость установления по делу обстоятельств, прямо не входящих в предмет доказывания, но имеющих определяющее значение для установления доказательственной информации. М. С. Строгович еще в 1947 г. писал по этому поводу: «При расследовании и разрешении уголовного дела следователю и суду приходится устанавливать и те факты, которые не входят в самоё событие, в самый состав преступления ... но являются необходимыми для того, чтобы из них можно было сделать вывод о существовании или несуществовании преступления и о виновности или невиновности привлеченного лица»¹⁰. Естественно, установление таких обстоятельств не могло и не может не опосредоваться оперативно-розыскными средствами.

И. М. Лузгин обращал внимание на то, что познавательный процесс по уголовному делу не может ограничиваться процессуальными рамками и на определенном уровне выходит за них, хотя и осуществляется с соблю-

---

⁸ См.: Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 8–9 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина и др. М., 1966. С. 33–44.

⁹ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 11.

¹⁰ Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М. ; Л., 1947. С. 59.

дением основополагающих правовых принципов, при этом сам предмет познания шире предмета доказывания по уголовному делу¹¹.

Многие современные ученые, облекая познание исключительно в процессуальные формы, отмечают, тем не менее, широкую поисковую деятельность при реализации познавательных процессов по обнаружению и фиксации следов преступления и иных событий, с последующим преобразованием их в надлежащую процессуальную форму¹².

Всё сказанное свидетельствует о генезисе отношения к уголовно-процессуальному познанию, однако постоянной тенденцией ограничить его лишь процессуальными рамками, даже выводя за пределы исключительно доказывания.

На фоне такого подхода стали появляться и иные мнения. отождествление познания и доказывания существенно сужает границы познания по уголовному делу. Как верно отмечали Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов, «познание представляет собой получение знаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела, а доказывание – получение знаний об этих обстоятельствах лишь в установленной законом процессуальной форме. Понятие познания по уголовному делу шире понятия «доказывание», оно охватывает собой не только доказывание, но и иные способы получения информации, содействующие установлению объективной истины. Поэтому неверно, что доказательства являются единственными средствами познания фактов, исследуемых по уголовному делу»¹³.

Сказанное в полной мере можно отнести к использованию в уголовно-процессуальном познании результатов оперативно-розыскной деятельности. Во многих случаях именно они инициируют процесс такого познания либо разносторонне сопровождают, обеспечивают его. Даже законодательные формулировки (при всей их противоречивости) ст. 11 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст. 89 УПК РФ в части использования результатов ОРД в доказывании фактически указывают на восприятие их как неразрывной части процесса познания по уголовному делу.

Жесткое ограничение уголовно-процессуального познания только рамками доказывания не позволяет, например, с процессуально-правовых позиций объяснить появление в материалах уголовного дела материальных носителей с результатами ОРД (фонограмм, слепков, отпечатков и пр.), оперативно-служебных документов и иных источников информации. Несмотря на то, что сами по себе они доказательственного значения не имеют и подлежат процессуальной проверке и оценке, их роль как носителей информации не снижается. Более того, многие из них получают впоследствии собственный доказательственный статус. Возникает логичный вопрос о том, в рамках каких, если не познавательных, процессов эти материалы появились.

¹¹ См.: Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 28–29.

¹² См.: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 31.

¹³ Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 11.

Ответ на него может быть лишь один: объекты и явления, исследуемые в процессе ОРД, нашли свое отражение в материальной фиксации, с активным использованием в последующем в доказывании, что свидетельствует о неразрывности процесса уголовно-процессуального познания, отсутствии его изолированности, поступательности познавательного процесса.

В связи с этим А. Р. Белкин отмечает: «Поскольку участие в доказывании по действующему закону может выражаться в различных формах (исследование доказательств, представление доказательств и др.), соби- рание фактических данных для последующей их реализации в качестве доказательств, по нашему мнению, можно рассматривать как специфическую форму участия в доказывании, как обеспечение эффективности этого процесса. Нельзя сбрасывать роль оперативных данных в определении направления расследования, путей собирания доказательств, выявления их источников и т.п.»¹⁴.

Изложенное, конечно, не означает отождествления доказательств и результатов ОРД. Использование последних в качестве доказательств полностью разрушило бы всю концептуальную основу уголовного процесса¹⁵.

Характер оперативно-розыскной и доказательственной информации существенно отличается.

Познание и информация неразрывно связаны между собой. Познавая явления и их сущность при раскрытии преступления, субъекты право- применения получают и оценивают информацию через систему правовых по своему характеру действий. При этом было бы неверным полагать, что информация, отражающая сведения о противоправных проявлениях, по- является лишь при осуществлении познания субъектами доказывания. Первичное ее появление и закрепление возможно и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, которая при условии дальнейшего взаимодействия с уголовным процессом (либо при осуществлении ее параллельно с процессом) не может быть оторвана от уголовно-процессу- ального познания.

Доказывание в этом случае выступает как форма познания, отлича- ющаяся превращением первичной информации в соответствии с процес- суальными правилами в доказательства по уголовному делу. Информа- ция, полученная вне процессуальной формы, лишь по содержанию является значимой для уголовно-процессуального познания. По своей же форме она объективно не может стать основой для формирования выво- дов как результатов познания.

Высказанное в юридической литературе мнение о том, что информа- ция о преступлении, являющаяся результатом первичного отражения в сознании людей и предметах объективного мира, безотносительна к поз- навательным последующим действиям органов уголовного судопроиз-

---

¹⁴ Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999. С. 28.

¹⁵ Вопрос о соотношении результатов оперативно-розыскной деятельности и до- казательств будет рассмотрен позднее.

водства¹⁶, верно лишь отчасти и не касается оперативно-розыскной деятельности. Сама ее направленность, как и перспектива использования ее результатов, а значит и их правильного проведения и документирования, не может быть рассмотрена в отрыве от познания по уголовному делу в целом.

Оперативно-розыскная деятельность может создавать предпосылки уголовно-процессуального познания, а зачастую, и являться его базой. Вряд ли возможно представить появление и развитие уголовно-процессуального познания без учета реализации оперативно-розыскных возможностей. Более того, основной этап уголовно-процессуального познания – доказывание – невозможен во многих случаях без использования оперативно-розыскных средств.

Доказывание не может исчерпывать всю познавательную деятельность по уголовному делу. Утверждать иное – значит игнорировать правовые реалии современного уголовного процесса, существующего и развивающегося в неразрывной связи с оперативно-розыскной деятельностью.

В широком смысле объект уголовно-процессуального познания – это девиантное поведение тех или иных лиц, требующее реагирования правовыми средствами и способами для установления наличия или отсутствия в таком поведении признаков преступления, квалификации содеянного, установления виновности и применения уголовного наказания.

Задачи, установленные оперативно-розыскным законом для оперативных сотрудников по раскрытию, пресечению и предотвращению преступлений, налагают на данных лиц особое бремя – бремя участия в познании по уголовному делу. Такое бремя не следует путать с бременем доказывания, налагаемым только на субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Однако обязанности своевременно предоставлять органам расследования материалы о совершенных, совершаемых или готовящихся преступлениях, исполнять поручения этих органов в рамках расследуемых дел, содействовать в сборе доказательственной информации не могут оцениваться иначе как обязанности по участию в познании по уголовному делу.

В юридической литературе было высказано мнение об особом, оперативно-розыском познании, влияющем на познание уголовно-процессуальное. Е. А. Доля пишет: «Имеются веские аргументы для утверждения, что основу всей оперативно-розыскной деятельности составляет процесс познания, точнее его сердцевина – оперативное доказывание»¹⁷.

Полагаем, что данное положение не совсем корректно и требует своего развития и дефиниции.

Бесспорным является тот факт, что оперативно-розыскная деятельность предполагает решение широкого спектра задач, включающих не только раскрытие преступлений, но и превенцию, розыск и т.п. В связи

---

¹⁶ См.: Костенко Р. В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. С. 17.

¹⁷ Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 3.

с этим вполне естественно говорить о существовании особого оперативно-розыскного познания со своим объектом и целями. В случаях, когда речь идет о предотвращении преступлений путем применения на основе результатов ОРД уголовно-процессуальных процедур либо о раскрытии преступления с использованием оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных возможностей, уместнее было бы полагать, что оперативно-розыскное познание поглощается познанием уголовно-процессуальным, являясь его составляющей в качестве второстепенного элемента.

В самих оперативно-розыскных мероприятиях доминирующим является познавательный аспект, особенно при решении вопроса о наличии или отсутствии признаков совершаемого, совершенного или готовящегося преступления. Направленность такого познания очевидна – это уголовно-процессуальная перспектива реализации достигнутых результатов. При этом данные результаты документируются, что отражает еще один, удостоверительный аспект познания.

Полученная при проведении оперативно-розыскных мероприятий информация, таким образом, носит правовой характер, является тем базовым элементом, использование которого оптимизирует поиск и обнаружение того, что, пройдя через «процессуальный фильтр», станет доказательством.

В оперативно-розыскной деятельности не менее, чем в уголовно-процессуальной, проявляется информативный познавательный аспект, состоящий в сочетании поисковых и удостоверительных элементов с их последующей направленной реализацией в определенные решения. Сказанное не означает отрицание или снижение роли следователя в собирании информации, составляющей содержание доказательств. Речь идет лишь о том, что в сфере ОРД такая информация также неизбежно возникает и закрепляется при решении соответствующих задач.

Сказанное является свидетельством поддержки позиции авторов, критикующих термин «собрание доказательств», закрепленный в УПК, и считающих уместным введение понятия «формирование доказательств»¹⁸.

Такой подход в полной мере соответствует отрицанию доказательственной силы оперативно-розыскной информации, но не препятствует, на наш взгляд, признанию особой роли оперативно-розыскной информации в познании по уголовному делу.

Полагаем, что при осуществлении уголовно-процессуального познания собирается информация, которая после проверки и оценки может стать доказательством. Такой подход полностью соответствует признанию роли и места оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном познании по делу.

Оперативно-розыскная деятельность позволяет определить в ряде случаев общие характеристики предмета уголовно-процессуального по-

---

¹⁸ См.: Шейфер С. А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986. С. 30 ; Соловьев А. Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания. М., 2006. С. 14.

знания, фактически определить явление, подлежащее познанию. При этом решаются не только ретроспективные задачи (установление обстоятельств, наличествующих ранее), но и перспективные задачи (предотвращение совершения преступлений или их окончание путем предоставления поводов к возбуждению уголовного дела, сопровождение расследования и совместное решение частных задач по делу со следователями и т.п.).

Специфика уголовно-процессуального познания состоит и в сложном сочетании факторов достоверности и вероятности в установлении истины. Вероятность представляет собой лишь один из этапов сложного процесса уголовно-процессуального познания (построение версий, сбор и обнаружение доказательств и пр.). Конечным же результатом уголовно-процессуального познания всегда должна являться достоверность. М. С. Строгович верно заметил: «Вероятность указывает путь расследования, но не предпрещает его результатов»¹⁹. Выводы уголовно-процессуального познания специфичны и тем, что не могут строиться лишь на изучении большого числа однопорядковых явлений (хотя бы и юридически значимых) и применении общих выводов «по аналогии» к конкретному познаваемому деянию. Уголовно-процессуальное познание есть всегда познание конкретного, индивидуально-определенного. Аналогии уместны лишь при юридической оценке познанного, и в этом случае вполне оправдан юридический силлогизм.

При рассмотрении соотношения доказывания и познания в уголовном процессе можно вести речь о динамике превращения вероятностного с процессуальных позиций знания в знание достоверное.

С позиций правовых основ оперативно-розыскной деятельности важно, чтобы любая полученная в ходе проведения оперативных мероприятий информация была достоверной. С позиций ее использования в уголовном процессе для достижения цели уголовно-процессуального познания эта информация должна рассматриваться как элемент познания, представляющий собой вероятностное знание об объекте, требующее проверки и оценки.

Будучи проверенным, оцененным и зафиксированным процессуальным способом, такие вероятностные знания превращаются в процессуально достоверные.

Несмотря на соблюдение порядка и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, они не могут обладать качеством достоверности, присущим доказательствам. Достоверными с процессуальных позиций они станут лишь после процедуры формирования доказательств. В то же время нельзя согласиться с излишне категоричным утверждением о том, что для возбуждения уголовного дела необязательно иметь достоверный вывод о готовящемся или совершаемом преступлении²⁰.

¹⁹ Строгович М. С. Учение о материальной истине в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 88.

²⁰ См.: Жданова Я. В. Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве. Ижевск, 2004. С. 40.

Полагаем, что сам повод к возбуждению уголовного дела, особенно полученный в результате ОРД, должен быть достоверным как в оперативно-розыскном, так и в уголовно-процессуальном смысле. На это направлено требование закона о проверке фактических и юридических оснований возбуждения уголовного дела. Это один из первых элементов перехода оперативно-розыскной информации в процессуально значимую.

Для уголовно-процессуального познания характерны последовательность и иерархичность. С этих позиций следует рассматривать развитие познания от использования результатов оперативно-розыскной деятельности до формирования выводов по делу на основе доказательств и установления истины как цели всего уголовно-процессуального познания по уголовному делу.

Исследование разрозненных, единичных деталей предполагает формирование вывода—целого. На базе последнего происходит выявление потребностей познания явлений более сложного характера и так далее, до того момента, пока у субъектов познания не останется сомнений в установлении истины, имеющей процессуальное значение (заметим, что последняя отнюдь не безусловно должна совпадать с истиной в философском ее понимании, во всем многообразии составляющих, но лишь в тех объективных аспектах, которые могут быть оценены с правовых позиций либо приведут к юридически значимому выводу). При этом в юридической литературе указывается на специфическую роль правовых аналогий в познании²¹, понимаемых как соотнесение предмета познания, установленного в законе, и фактических обстоятельств, устанавливаемых по конкретному делу.

Ситуации, в которых происходит уголовно-процессуальное познание, обладают определенной особенностью, выражающейся в том, что им свойственны одновременно черты проблематичности и типологии.

Проблематичность – движущий элемент, мотив познания. Решение проблемы есть достижение цели познания. Типология же предполагает возможность использования стандартных приемов познания, разработку путей повышения эффективности такого использования, поиск новых форм взаимодействия различных элементов механизма познания. Благодаря тому, что каждое явление или процесс как объекты процессуального познания одновременно строго индивидуальны (в смысле всего спектра проявлений, сумма которых и порождает проблематичность) и типичны (с точки зрения повторяемости отдельных звеньев явлений или процессов, а также определенной системе методов исследования), возникает возможность совершенствования самого механизма познания путем конструирования новых методологических форм осуществления познавательной деятельности. Последнее относится как к сфере процессуального, так и к сфере непроцессуального в познавательной деятельности в рамках уголовного процесса. Выход из ситуации проблемы, конфликта происходит благодаря использованию привычного арсенала средств в

---

²¹ См.: *Старченко А. А.* Роль аналогии в познании. М., 1961. С. 35.

различных интерпретациях и новых методов как элемента творческой стороны познания.

Как уже отмечалось выше, познание основано на отражении, но не тождественно последнему. Благодаря отражению как свойству объективного мира и человеческого сознания, сам познавательный процесс становится возможным и реализуемым. Однако познание по сути своей есть освоение действительности. Данная характеристика выражает активный и творческий аспект познания. Если отражение статично, то возникающее на его основе познание динамично. Образы, возникающие благодаря отражению как адекватному восприятию действительности, никогда не смогут стать самостоятельными основами проникновения в сущность явлений и процессов. В связи с этим излишне категоричным представляется мнение, согласно которому принцип познаваемости по существу тождествен принципу отражения²² (тем более, что сами авторы такой позиции признают многоуровневый характер уголовно-процессуального познания). Познание мертво без двигательной силы, которую олицетворяет мышление. Именно благодаря такому свойству последнего, как опосредованность, возможно формирование умозаключений, позволяющих понять условия возникновения и закономерности развития всего многообразия явлений и процессов, имеющих юридически значимый характер.

Значительное место в процессе такого познания занимают правосознание и возникающее на его основе внутреннее убеждение (особенно при формулировании юридически истинных выводов по исследуемому явлению). Объективные закономерности процесса уголовно-процессуального познания (как и познания в целом) неизбежно опосредуются в субъективизме познающего. Так формируются доказательства, определяются оптимальные средства и методы познания, оцениваются его результаты, структурируются выводы по уголовному делу. Очень точно в связи с этим отмечал В. Д. Спасович еще в 1861 г.: «Всякое убеждение основано на доказательствах и прочно до тех только пор, пока его основания – доказательства не пошатнулись. Коль скоро есть малейшее сомнение на счет их устойчивости и прочности, то они сами должны быть проверены и доказаны»²³.

Фиксация следов-отражений происшедшего в окружающем мире – это лишь сигнал для включения механизма логического осмысления информации с целью понимания ее юридически значимой сущности. Действие такого механизма и составляет сущность уголовно-процессуального познания, ядро которого – доказывание.

Рассматривая уголовно-процессуальное познание в целом как сочетание первичного и вторичного отражения, следует подчеркнуть, что на уровне организации ОРД, направленной на установление поводов и

---

²² См.: Курс советского уголовного процесса. Часть Общая / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 525.

²³ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001 (репринт 1861). С. 5.

оснований к возбуждению уголовного дела, а также представление результатов ОРМ субъектам доказывания, речь идет именно о первичном отражении. Доказывание в этом смысле всегда вторично, поскольку отсутствует элемент непосредственного восприятия событий познающим субъектом. В то же время и в самом доказывании, как справедливо отмечает С. А. Шейфер, имеют место элементы первичного отражения при получении информации непосредственно следователем²⁴.

Вместе с тем в уголовно-процессуальном познании весьма сложно разделить практическую и мыслительную деятельность, как порой пытаются это сделать²⁵. Дело в том, что результатам (даже промежуточным) познания предшествует получение определенной информации, после оценки которой зачастую возникает необходимость в новой информации, новых фиксирующих и проверочных действиях, включая действия по формированию доказательств.

---

²⁴ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. М., 2000. С. 6–8.

²⁵ См.: Васин В. В. Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 8–9.

Воронежский государственный университет

Астафьев Ю. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса

E-mail: waltgam@mail.ru

Тел.: 8-919-247-52-53

Voronezh State University

Astafiev Y. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Criminal Process Department

E-mail: waltgam@mail.ru

Tel.: 8-919-247-52-53